

Моск. новости, 1985, Апрель, № 11. Жемчужное ожерелье Мананы

Старинные романсы в исполнении грузинской певицы Мананы Менабде напоминают жемчужное ожерелье, которое от ее тепла вновь ожило, мерцает...

И хочется, чтобы Манану услышали твои знакомые и друзья, хотя нас, москвичей, хорошими артистами не удивишь. Даже когда она поет по-грузински и переводит, вернее, набрасывает контуры смысла короткими штрихами, понятно многое. И про романс, и про время, и про саму Манану, что живет в прошлом и настоящем одновременно...

— Работа — как дорога в гору, виток за витком. И надо, чтобы каждый виток был выше предыдущего, — говорит она. — Концерты мои в Москве — праздник, итог сделанного. И я счастлива, что принимают хорошо, что понимают. Как важно, чтобы тебя понимали.

Я вообще в Москве бываю счастлива — просто от улиц, по которым хожу. Мне кажется, что вокруг старые друзья — и дома, и деревья, и прохожие. Семь лет жила здесь, училась в Институте театрального искусства. До учебы в Москве была солисткой государственного эстрадного оркестра Грузии «Рэро». Так что у меня два дома — Тбилиси и Москва.

В этой концертной программе — народные песни, русские и грузинские романсы, старинные, современные — разные.

— Что же такое для вас романс, Манана? Дань моде?

— Думается, романс не подвластен веяниям моды. В первую очередь потому, что напоминает о вечном, непреходящем. Как некий магический кристалл, романс за века вобрал в себя тайну человеческих чувств. Он одновременно для каждого — свой и для всех — один. В нем любовь и разлука, отчаяние и надежда. А кто не знал звездных часов любви, и кто не знал в ней поражений? Очень важно и то, что хороший романс по чувству всегда высок и благороден, даже если смысл его прост.

Но все это я поняла, когда стала взрослой. А романсы пела с тех пор, как научилась держать гитару, ребенком. Подражала бабушке и трем ее сестрам. Их в Грузии все знают: певицы Ишхнели. Еще во времена грампластинок Ишхнели были в Тбилиси чуть ли не в каждом доме. Они на заре века развивали жанр городского романса. Да и сейчас записи бабушек можно услышать по радио — песню «Сулико» например. Эта грузинская песня на слова поэта-классика Акакия Цецелети в их исполнении стала, как бы теперь сказали, шлягером. А бабушка Тамара — ей 86 лет — до сих пор поет.

— Чем вы объясняете вновь вспыхнувшую любовь к романсу?

— Собственно, эта любовь никогда не умирала. Просто ее заглушал порой грохот эстрады,

Манана Менабде.

Фото Алексея ФЕДОРОВА.

против которой я, кстати, ничего не имею. Но каждому — свое. Мне больше по душе романс, тихий, интимный, если хотите. Он учит сопереживать, требует культуры, интеллигентности чувств.

Раньше романсы пели в салонах, пели люди, владеющие фортепиано, вокалом. В музыкальных собраниях выступали с импровизациями и романсами Глинка, Варламов, Даргомыжский. Романсы пели лучшие певцы нашего века — Шаляпин, Обухова, Варя Панина. Можно представить, какую огромную аудиторию они собрали бы сейчас!

— И все-таки критика упрекает романс в легковесности.

— Бывает, упрекает даже в пошлости. Но эти упреки справедливы, только если они адресованы не романсу вообще, а плохому романсу или плохому его исполнению. Так ведь и с любым другим жанром. Бывают же и неважные оперы, и слабые исполнители самого Бетховена. Жанр тут ни при чем. Хорошо исполненный хороший романс всегда достоин.

— Мы подошли к вопросу: что истинно для вас?

— Это трудно объяснить. Для меня истинно то, что хорошо. Наверное, вкус любого исполнителя имеет собственную точку отсчета. Я очень люблю народную музыку, особенно грузинскую. Народную песню можно слушать бесконечно и каждый раз открывать что-то новое.

Настоящее всегда таит открытие. И сумев сделать свое открытие, человек будет развиваться, идти вперед, станет интересен другим. В любом деле истинно — это.

— Вы написали музыку к телефильму режиссера Ланы Гогоберидзе «День длиннее ночи»...

— Только к народным стихам, грузинскому эпосу. Эти песни объединяют узловые моменты фильма. Инструментальная же музыка принадлежит прекрасному грузинскому композитору Гии Канчели.

Скоро премьера двухсерийного фильма-мюзикла «Стих об Арсене» режиссеров Тенгиза Мага-

лашвили и Наны Хатискаци. В нем я играю свою первую роль в кино, роль матери Арсена, народного героя Грузии. Конечно, с волнением жду, что скажут зрители...

— Что для вас важнее в романсе — музыка или слово?

— Вот идешь по осеннему лесу. Листья падают медленно-медленно. Солнце, небо синее, высокое, мох, паутинки блестят, свежесть. Что важнее для настроения души? Все. Так и в романсе. В нем важно все.

— На чей суд вы внутренне выносите свою программу?

— Бабушек. Булата Окуджавы. Жанны Бичевской. Елены Камбуровой, Аллы Пугачевой. Я думаю, как бы ее оценили Жак Брель, Эдит Пиаф, Александр Вертинский. О Вертинском хочу сделать в ближайшем будущем специальную программу — изумительный был мастер.

— Какой слушатель — ваш?

— Я не верю в избранную публику. Поймет или не поймет тебя зал, зависит только от себя самой...

...Манана Менабде вернулась в Тбилиси, чтобы петь, писать музыку, сниматься в кино и снова петь, писать музыку, рисовать — она хорошо рисует. А нам остается ожидать новой встречи и добрая память о ней, ее образ. Высокая, худенькая, даже угловатая, с печальными глазами. Свет падает на ее певучую гитару.

Спойте нам еще, Манана.

Наталья КРАМИНОВА.